

УДК 821.161.1-3

**ОБРАЗ ГЕРОЯ-ИНТЕЛЛИГЕНТА
В «ЗАПИСКАХ ЮНОГО ВРАЧА» М. А. БУЛГАКОВА****Тан Мэн Вэй**

Московский государственный университет
*кафедра истории новейшей русской литературы
и современного литературного процесса*

Статья посвящена исследованию образа героя-интеллигента в цикле рассказов М. А. Булгакова «Записки юного врача», в основу которых легли автобиографические факты работы Булгакова в качестве земского врача в селе Никольском. Образ главного героя – юного врача рассматривается здесь в контексте его столкновения с суровой исторической реальностью. В связанных друг с другом фрагментах внутренне целостной картины жизни герой мужает как в профессиональном, так и в личностном смысле, осознает свою историческую и социальную значимость.

Ключевые слова: М. А. Булгаков, «Записки юного врача», герой-интеллигент, земский врач, kaleidoskopichnost' картины жизни.

В центре «Записок юного врача» Булгакова мы видим образ молодого медика, который только что окончил столичный университет. Это типичный представитель русской интеллигенции, вполне сознающий свою роль в обществе. Он осознавал себя единственным носителем света и образованности в сельской глуши, где царили многовековая антисанитария, невежество и «культурный мрак». Его энергия естественным образом направляется к реальному результату, укрепляет его положение, авторитет, поднимает порой до могущества (он «воскрешает» больных).

Как отмечает исследователь И. С. Урюпин, в творческом сознании Булгакова понятия «интеллигент» и «мастер» воспринимались как взаимодополняющие и выстраивались в четкую логическую формулу: если интеллигент не мастер, то он самозванец. Эта формула наполнилась конкретным художественным содержанием в цикле «Записки юного врача», в каждом из рассказов которого показан путь героя к мастерству. По словам исследователя, юный врач, совершая операции, спасая пациентов от смерти, доказывает себе, что он не «Лжедмитрий», а мастер, несущий людям просвещение и жизнь. Обогащая фабулу произведения культурно-философским подтекстом, Булгаков подчеркивает символический смысл процесса преобразования героя, его путь от профана до мастера [9, с. 8–29]. Так начинает вырисовываться основной конфликт, объединяющий рассказы «Записок» и выходящий, как мы увидим в дальнейшем, за пределы проблемы профессионального мастерства – взаимодействие героя с жизненной, исторической реальностью.

Хотя само название цикла – «Записки юного врача» – невольно ведет к отождествлению автора с героем рассказов, Е. А. Земская утверждает: «В этих рассказах Булгаков не воспроизводит себя, а создает своего героя – Юного врача, на которого смотрит как старший, как бы со стороны, ставя его в разные положения на основе пережитого самим опытом» [4, с. 82]. Как и другие виды искусства, литература преобразует действительность, творчески переосмысляет её. Реальность,

механически скопированная, не является искусством. Горький так говорил об отношении реальности к искусству: «Факт, – еще не вся правда, он – только сырье, из которого следует выплавить, извлечь настоящую правду искусства» [3, с. 296].

Важно подчеркнуть, что у автора-рассказчика нет имени, это просто молодой врач, один из многих энтузиастов, взявших на себя заботу о народном здоровье. Следует отметить также, что между персонажами рассказов Булгакова и их прототипами, между реальными событиями и литературными сюжетами довольно большая дистанция. Так, героем «Записок» является выпускник Московского университета, который признается:

«Мой юный вид отравлял мне существование на первых шагах. Каждому приходилось представляться:

– Доктор такой-то.

И каждый обязательно поднимал брови и спрашивал:

– Неужели? А я-то думал, что вы еще студент.

– Нет, я кончил, – хмуро отвечал я и думал “очки мне нужно завести, вот что”. Но очки было заводить не к чему, глаза у меня были здоровые, и ясность их еще не была омрачена житейским опытом. Не имея возможности защищаться от всегдашних снисходительных и ласковых улыбок при помощи очков, я старался выработать особую, внушающую уважение, повадку. Говорить пытался размеренно и веско, порывистые движения по возможности сдерживать, не бегать, как бегают люди в двадцать три года, окончившие университет, а ходить. Выходило все это, как теперь, по прошествии многих лет, понимаю, очень плохо» («Полотенце с петухом») [1] (далее текст рассказов приводится по этому изданию с указанием названия рассказа).

Очевидно, что для главного героя на начальном этапе профессионального становления наиболее значимым являются внешние признаки его соответствия образу опытного доктора. Прочитав историю про англичанина, который и на необитаемом острове продолжал ежедневно бриться, молодой врач решает действовать так же. Однако очень скоро жизнь заставляет отказаться от этих благих намерений: поток больных после удачной операции трахеотомии становится таким большим, что в течение месяца герой не может даже помыться как следует. Когда наконец погода ухудшается настолько, что больных приезжает всего двое и доктор может устроить себе настоящий «банный день», другой молодой врач вызывает его запиской с просьбой о помощи. Записка передает психологическое состояние писавшего: «Уважаемый коллега (большой восклицательный знак). Умол... (зачеркнуто). Прошу убедительно приехать срочно. У женщины после удара головой кровотечение из полост... (зачеркнуто)... из носа и рта. Без сознания. Справиться не могу. Убедительно прошу. Лошади отличные. Пульс плох. Камфара есть. Доктор (подпись неразборчива)».

Это даже не просьба о помощи, это мольба, поэтому автор-рассказчик «коротко простонал и вылез из корыта». Едва обсохнув, он начинает собираться, ясно представляя себе последствия поездки: «Воспаление легких у меня, конечно, получится. Крупозное, после такой поездки. И, главное, что я с нею буду делать? Этот врач, уж по записке видно, еще менее, чем я, опытен... <...> Размышляя таким образом, я и не заметил, как оделся. Одевание было непростое: брюки и блуза, валенки, сверх блузы кожаная куртка, потом пальто, а сверху баранья шуба, шапка, сумка, в ней кофеин, камфара, морфий, адреналин, торзионные пинцеты, стерильный материал, шприц, зонд, браунинг, папиросы, спички, часы, стетоскоп». Ю. Г. Виленский отмечает, что такое подробное профессиональное описание сумки «скорой помощи» мог сделать лишь опытный разъездной врач [2, с. 130]. Позднее оказывается, что только эта предусмотрительность спасает жизнь героям рассказа.

Двадцатитрехлетний, не имеющий никакого опыта герой «Записок» живет в деревне совершенно один, а в реальной жизни двадцатипятилетний Булгаков приехал в Никольское вместе с женой Татьяной Николаевной, уже имея опыт работы в прифронтовых госпиталях, куда поступали раненые с фронта. Т.Н. Лаппа вспоминала: «В Черновицах мы провели все это лето. Жили при госпитале. Хирургические операции шли непрерывно, ведь в июле наступление приостановилось, тяжелые бои продолжались не очень далеко от города, в Карпатах. Михаил Афанасьевич, как правило, стоял на ампутациях, а мне нередко приходилось держать ногу. Помню, как из-за жары и напряжения мне несколько раз становилось дурно в операционной. Но я превозмогала себя. Ведь помощь моя была нужна. Работать приходилось много, Михаил часто дежурил ночью, под утро приходил физически и морально разбитым, буквально падал в постель, спал пару часов, а днем – опять госпиталь, операции, и так каждый день. Но свою работу Михаил любил, относился к ней со всей ответственностью и, несмотря на усталость, стоял в операционной, сколько считал нужным. Там я на многое насмотрелась и на всю жизнь запомнила, что такое война» [Там же, с. 68–69].

Таким образом, Булгаков к приезду в Никольское (в некоторых рассказах оно названо Мурьиным) уже имел значительный опыт работы хирурга; правда, довольно специфический. Но его герой подобного опыта не имеет, хотя и скрывает это, поэтому счастливый исход операции, описанный в рассказе «Полотенце с петухом», напоминает чудо. Спустя много лет врач вспоминает, что спасенная им девушка подарила ему «длинное снежно-белое полотенце с безыскусственным красным вышитым петухом. <...> И много лет оно висело у меня в спальне в Мурьине, потом странствовало со мной. Наконец обветшало, стерлось, продырявилось и наконец исчезло, как стираются и исчезают воспоминания» («Полотенце с петухом»).

Судя по тексту «Полотенца с петухом», герой «Записок» проработал в деревенской больнице много лет, а Булгаков на самом деле провел в Никольском один год, после чего был направлен врачом в небольшой город Вязьму. Однако впечатления от этого года были настолько сильными, что заставили молодого врача взяться за перо. Следует отметить, что начал свою деятельность Булгаков в качестве военного врача, однако месяцы работы в госпиталях никак не повлияли на его решение стать писателем. Возможно, это связано с тем, что в госпиталях работа была коллективной и представляла собой, судя по воспоминаниям Т.Н. Лаппы, своего рода конвейер, а в Никольском врач был главой маленького коллектива и должен был каждый раз самостоятельно принимать решения.

Как видим, герой «Записок» не показан идеальной личностью, но он ведет постоянную упорную битву не только с болезнями, но и с собственным малодушием, робостью, недостаточной профессиональной подготовкой. В результате всего за год, проведенный в глуши и наполненный бесконечной работой, герой меняется даже внешне: «По скрипящему полу я прошёл в свою спальню и поглядел в зеркало. Да, разница велика. Год назад в зеркале, вынутом из чемодана, отразилось бритое лицо. Косой пробор украшал тогда двадцатитрёхлетнюю голову. Ныне пробор исчез. Волосы были закинута назад без особых претензий. Пробором никого не прельстишь в тридцати верстах от железного пути. То же и относительно бритья. Над верхней губой прочно утвердилась полоска, похожая на жёсткую пожелтевшую зубную щётку, щёки стали как тёрка, так что приятно, если зачешется предплечье во время работы, почесать его щекой. Всегда так бывает, ежели бриться не три раза в неделю, а только один раз» («Пропавший глаз»).

Но гораздо значительнее изменения внутренние: юный врач поверил в свои силы, понял, что способен на многое и может противостоять самым тяжелым обстоятельствам. «Пренебрежение к собственному облику метафорически указывает на то, что герой перестает обращать внимание на внешнее, приближаясь к постижению сущности, – отмечает Е. А. Яблоков. – Через оппозицию “бритость” и “небритость” метафорически выражается отношение к “стихийному” началу жизни – принятие или непринятие бытия в его “непредсказуемом” облике» [10, с. 77].

Сюжет «Записок» разыгрывается вокруг героя с его прошлым, настоящим и будущим. В прошлом он окончил университет и получил блестящий диплом, а будущее мы видим в его рассказах-мечтах. Рассказчик повествует о своей жизни в ретроспективном взгляде, уже из другого времени: «Итак, ушли года. Давно судьба и бурные лета разлучили меня с занесенным снегом флигелем. Что там теперь и кто? Я верю, что лучше. Здание выбелено, быть может, и белье новое. Электричества-то, конечно, нет. Возможно, что сейчас, когда я пишу эти строки, чья-нибудь юная голова склоняется к груди больного. Керосиновая лампа отбрасывает свет желтоватый на желтоватую кожу... Привет, мой товарищ!» («Звездная сыпь»).

Несомненно, что герой Булгакова – интеллигент, вполне определенно осознающий свою роль в обществе. Он предъявляет высокие требования к себе и окружающим. Юный врач негодует, когда сталкивается с вековым невежеством крестьян, с их темнотой и упрямством. Но и к себе относится в достаточной степени критично: «Ложись ты спать, злосчастный эскулап. Выспишься, а утром будет видно. Успокойся, юный неврастеник. Гляди – тьма за окнами покойна, спят стынущие поля, нет никакой грыжи. А утром будет видно. Освоишься... Спи... Брось атлас... Все равно ни пса сейчас не разберешь...» («Полотенце с петухом»).

Особенно тяжелым для автора-рассказчика оказался случай трудных родов, когда удалось спасти только мать, к тому же во время операции врач сломал мертвому младенцу ручку: «Ах, не могу я выразить того отчаяния, в котором я возвращался домой один, потому что Пелагею Ивановну я оставил ухаживать за матерью. Меня швыряло в саних в поредевшей метели, мрачные леса смотрели укоризненно, безнадежно, отчаянно. Я чувствовал себя побежденным, разбитым, задавленным жестокой судьбой. Она меня бросила в эту глушь и заставила бороться одного, без всякой поддержки и указаний. Какие невероятные трудности мне приходится переживать! Ко мне могут привезти какой угодно каверзный или сложный случай, чаще всего хирургический, и я должен стать к нему лицом, своим небритым лицом, и победить его. А если не победишь, вот и мучайся, как сейчас, когда валяет тебя по ухабам, а сзади остался трупик младенца и мамаша» («Пропавший глаз»).

Молодой доктор понимает, что из-за неправильного положения плода случай был практически безнадежным, но это понимание не ослабляет его переживаний. Следует отметить, что в этом фрагменте мы видим описание природы (довольно редкое у Булгакова), которое полностью соответствует подавленному психологическому состоянию врача. В восприятии героя природа одушевляется, словно в противовес только что произошедшей смерти, в которой молодой врач не перестает себя винить: «В сущности, действую я наобум, ничего не знаю. Ну, до сих пор везло, сходили с рук благополучно изумительные вещи, а сегодня не сvezло. Ах, в сердце щемит от одиночества, от холода, от того, что никого нет кругом. А может, я еще и преступление совершил – ручку-то. Поехать куда-нибудь, повалиться кому-нибудь в ноги, сказать, что вот, мол, так и так, я, лекарь такой-то, ручку младенцу переломил. Берите у меня диплом, недостоин я его, дорогие коллеги, посылайте меня на Сахалин» («Пропавший глаз»).

В то же время, оценивая ситуацию родов объективно, автор-рассказчик отдает себе отчет в том, что мать ребенка тоже могла умереть, и мысль, что хотя бы женщину удалось спасти, дает ему силы продолжать свою работу. Следует отметить, что горькие мысли приходят к герою-рассказчику лишь после трагических и безнадежных ситуаций, приступы отчаяния он называет «неврастенией» и не позволяет им надолго овладеть собой.

При таких, казалось бы, невеселых сюжетах, смоленский период жизни Булгакова, описанный в «Записках юного врача», представляется довольно светлым. Просвещенческую и врачебную деятельность автора-рассказчика, а также свою службу в земстве он осознает как некую высокую миссию. Булгаков так описывает будни своей врачебной практики в рассказе «Вьюга»: «Одним словом, возвращаясь из больницы в девять часов вечера, я не хотел ни есть, ни пить, ни спать... И в течение двух недель по санному пути меня ночью увозили раз пять» («Вьюга»).

Подводя итоги деятельности Булгакова на земской службе, его сестра Н. А. Булгакова (Земская) высказала свое мнение по поводу «Записок юного врача»:

«Уроженец большого культурного города, любящий и знающий искусство, большой знаток и ценитель музыки и литературы, а как врач склонный к исследовательской лабораторной и кабинетной работе, Михаил Булгаков, попав в глухую деревню, в совершенно непривычную для него обстановку, стал делать свое трудное дело так, как диктовало ему его внутреннее чувство, его врачебная совесть. Врачебный долг – вот что прежде всего определяет его отношение к больным. Он относится к ним с подлинно человеческим чувством. Он глубоко жалеет страдающего человека и горячо хочет ему помочь, чего бы это ни стоило лично ему. Жалеет и маленькую задыхающуюся Лидку (“Стальное горло”), и девушку, попавшую в мялку (“Полотенце с петухом”), и роженицу, не дошедшую до больницы и рожавшую у речки в кустах, и бестолковых баб, говорящих о своих болезнях непонятными словами (“Пропавший глаз”: “...научился понимать такие бабьи речи, которых никто не поймет”), и всех, всех своих пациентов.

Пишет он об этом без излишней декламации, без пышных фраз о долге врача, без ненужных поучений. Не боится он сказать и о том, как трудно ему приходится.

В жизни Мих. Булгаков был остро наблюдателен, стремителен, находчив и смел, он обладал выдающейся памятью. Эти качества определяют его и как врача, они помогали ему в его врачебной деятельности. Диагнозы он ставил быстро, умел сразу схватить характерные черты заболевания; ошибался в диагнозах редко. Смелость помогала ему решиться на трудные операции» [5, с. 121].

Несомненно, работа на земской службе в глухой деревне дает писателю возможность почувствовать многогранную душу России, ощутить ее нерушимую связь с землей, познакомиться с жизнью простого народа. Встреча с крестьянским миром, ранее интеллигенту незнакомым, позволяет увидеть подлинную жизнь русской деревни. В рассказах Булгаков показывает не только привлекательные, но и отталкивающие черты народа. При этом нельзя забывать, с какой суровой действительностью сталкивался тогда молодой медик: это было время больших потрясений, 1917 год. То время в России запомнится примерами величайшей жестокости. Настроения интеллигенции зависели и от политической ситуации, и от связанных с нею обстоятельств частной жизни, которые в те бурные месяцы и годы менялись чрезвычайно быстро. Хотя творчество Булгакова и в духовных своих основаниях, и в художественных устремлениях находилось во внутренней оппозиции к советской системе, эта оппозиционность не была агрессивной, явно выраженной. Писатель

разработал свою оригинальную синтетическую творческую концепцию, в основе которой лежали идеи гуманизма. Ему удалось дать образец необычайного мужества и стойкости, сохранить верность гуманистическим идеалам в те тяжелые времена.

В центре внимания Булгакова находились и проблемы интеллигенции, которая в послереволюционные десятилетия нередко характеризовалась эпитетом «гнилая». Отстаивая свое право писать о представителях этой «прослойки», Булгаков заявлял 22 сентября 1926 года на допросе в ОГПУ: «Я очень интересуюсь бытом интеллигенции русской, люблю ее, считаю хотя и слабым, но очень важным слоем в стране. Судьбы ее мне близки, переживания дороги. Значит, я могу писать только из жизни интеллигенции в советской стране. Но склад моего ума сатирический. Из-под пера выходят вещи, которые порою, по-видимому, остро задевают общественно-коммунистические круги. Я всегда пишу по чистой совести и так, как вижу. Отрицательные явления жизни в советской стране привлекают мое пристальное внимание, потому что в них я инстинктивно вижу большую пищу для себя (я – сатирик)» [8, с. 325].

Вспомним, чем Булгаков заканчивает свой цикл «Записки юного врача» рассказом «Тьма египетская», где речь идет о кромешной тьме невежества, с которой постоянно сталкивается молодой врач в деревенской местности. Именно здесь обнажается тот второй план, который живет во всех рассказах булгаковских «Записок»: помимо реалистического, есть еще и романтический пафос, говорящий (прямо или подспудно) о высокой просветительской миссии врача (особенно врача земского, работающего вдали от всех культурных центров). Об этом – и финальный сон героя: засыпая после очередного трудного дня, он повторяет:

«Ну, нет... я буду бороться. Я буду... Я... И сладкий сон после трудной ночи охватил меня. Потянулась пеленою тьма египетская... и в ней будто бы я... не то с мечом, не то со стетоскопом. Иду... борюсь... В глуши. Но не один. А идет моя рать: Демьян Лукич, Анна Николаевна, Пелагея Иванна. Все в белых халатах, и все вперед, вперед...

Сон – хорошая штука!» («Тьма египетская»)

Персонажи Булгакова, несомненно, следуют примеру Дон Кихота. Образ странного и мудрого рыцаря, странствующего и несущего добро, соединяет произведения автора. Юный врач также не является исключением, автор вложил в его видение мира свое понимание роли и медицины, и – шире – интеллигенции в жизни народа, общества. Решительность, уверенность в правильности диагноза и вместе с тем осторожность, умение увидеть человеческую индивидуальность, проникнуться сопереживанием – главные черты героя Булгакова. Мы видим примеры врачебного мужества – повседневного, обыденного и все-таки необыкновенного.

Как видим, от рассказа к рассказу в булгаковских «Записках» открываются разные повороты единого художественного конфликта: взаимодействие героя с суровой жизненной, исторической реальностью оборачивается здесь единой, связующей все рассказы цикла картиной не только обретения героем профессионального мастерства, но и его мужания, личностного становления, осознания им своей исторической, социальной значимости.

Внутреннее призвание в молодом враче соединяется с полной личной ответственностью, в которой совмещаются все возможные ее виды – ответственность перед собой, перед другим, перед обществом, перед народом. Он, подобно Дон Кихоту, вместе со своей ратью решил изменить мир вокруг него. Нужно отметить, что такой взгляд на жизнь – черта нового времени, черта литературы, прошедшей уже и через героический пафос горьковских рассказов и пьес, и через новый опыт исторических потрясений. Как отмечает Л. А. Колобаева, под влиянием Горького ли-

тераторы начали «видеть своего героя в человеке, овладевшем “творческой, то есть социальной связующей идеей”, идеей социалистической, образ мысли и действия которого организуется ею» [6, с. 54]. Как сам Горький писал в письме начинающей писательнице: «Задача литературы не вся в том, чтоб отражать действительность, – столь быстро преходящую, задача литературы найти в жизни общезначимое, типичное не только для сего дня»; он писал о необходимости для литератора взгляда на жизнь с высоты человечества, его истории и будущего, с высоты понимания того, «что в стране, которая еще недавно столь величественно всколыхнулась... <...> есть свободные “новорожденные люди”» и что «они, люди эти, самое ценное земли, они наша посылка в будущее» [7, с. 170]. В отличие от «Записок врача» Вересаева, где так явно и сильно публицистическое начало, где автор обращается к большим проблемам современной ему медицины, и шире – современного ему общества (это самый конец XIX века), во всех рассказах булгаковских «Записок» мы не встречаем ни одного пафосного слова об излечении общества, но сам призыв к борьбе за новую, светлую жизнь (то, чем была тогда охвачена русская литература), в том числе и к борьбе с «тьмой египетской» невежества, дает здесь о себе знать.

Список литературы

1. Булгаков М. А. Записки юного врача // Булгаков М. А. Собр. соч. : в 5 т. Т. 1. М. : Худож. лит., 1989. С. 71–146.
2. Виленский Ю. Г. Доктор Булгаков. Киев : Здоровье, 1991. 254 с.
3. Горький А. М. Собр. соч. : в 30 т. Т. 26. М. : Гослитиздат, 1953. 416 с.
4. Земская Е. А. Из семейного архива. Материалы из собрания Н. А. Булгаковой-Земской // Воспоминания о Михаиле Булгакове : сборник. М. : Сов. писатель, 1988. С. 41–92.
5. Земская Е. А. Михаил Булгаков и его родные. Семейный портрет. М. : Языки славянской культуры, 2004. 360 с.
6. Колобаева Л. А. Концепция личности в русской реалистической литературе рубежа XIX–XX веков. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1987. 174 с.
7. Письмо писательнице Л. Никифоровой // Касторский С. М. Горький в борьбе с литературным декадансом. Звезда. 1947. № 6. С. 170.
8. Соколов Б. В. Булгаков : энциклопедия. М. : Эксмо : Алгоритм : Око, 2007. 831 с.
9. Урюпин И. С. Национальные образы-архетипы в творчестве М. А. Булгакова : автореф. дис. ... докт. филол. наук : 10.01.01 / И. С. Урюпин ; Елецкий гос. ун-т. Елец, 2011. 34 с.
10. Яблоков Е. А. Текст и подтекст в рассказах М. Булгакова («Записки юного врача»). Тверь : Тверской гос. ун-т, 2002. 103 с.

THE IMAGE OF AN INTELLECTUAL HERO IN M. A. BULGAKOV'S SERIES OF SHORT STORIES “A YOUNG DOCTOR'S NOTEBOOK”

Tang Meng-wei

Moscow State University

the Department of History of Modern Russian Literature and Literary Process

The article is devoted to the research of an intellectual hero's image in the series of short stories “A young doctor's notebook” by M. A. Bulgakov. These series were inspired by the writer's own experience while working as a country doctor in

Nikolskoe. The image of the main hero, who is a young doctor, is interpreted in the context of the life's harsh, historical realities. However, the main hero succeeded in growing up both professionally and personally. He finally realizes his role in society and history, becoming aware that he is an integral part of life.

Keywords: *M.A. Bulgakov, "A young doctor's notebook", intellectual hero, country doctor, kaleidoscopic life.*

Об авторе:

ТАН Мэн Вэй – аспирант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета Московского государственного университета (119991, Москва, ул. Ленинские Горы, 1), e-mail: vasily.tang@gmail.com.

About the author:

TANG Meng-wei – Postgraduate Student at the Department of History of Modern Russian Literature and Literary Process, Moscow State University (119991, Moscow, Leninskie Gory str., 1), e-mail: vasily.tang@gmail.com.